

Детство как травма в современной американской литературе (на материале мемуаров Ш. Алекси «Не надо... Скажи, что любишь меня»)

Е.В. ГУЛЕВИЧ

В статье исследуются особенности репрезентации образа детства как травматического периода, представленные в мемуарах Ш. Алекси «Не надо... Скажи, что любишь меня». Сквозь строки личных переживаний автора вырисовывается травма целой нации – коренных американских индейцев, которые и сегодня вынуждены бороться за свои права в своей собственной стране. Ш. Алекси представил неудобный образ Америки – реальности, где незащищенность и неравенство являются определяющими категориями социального бытия для коренного населения США.

Ключевые слова: Алекси, «Не надо... Скажи, что любишь меня», детство, травма, мемуары, Америка, расизм, неравенство.

The article reveals the representation peculiarities of the image of childhood as a traumatic period, depicted in the memoirs «You don't have to say you love me» by Sh. Alexie. Through the lines of the author's personal experiences the trauma of the whole nation of indigenous people is outlined. In his memoirs, Alexie presented an unfavorable image of America, namely as a reality where insecurity and inequality are key categories of social existence of native Americans.

Keywords: Alexie, «You don't have to say you love me», childhood, trauma, memoirs, America, racism, inequality.

Введение. Шерман Алекси – современный американский писатель, произведения которого являются остросоциальными, при том, что сам автор такой творческой цели не ставил. Однако, как известно, творчество питается жизнью, перетирая ее в соки искусства, а художественное произведение, ни в коей мере не являясь имитацией реальности, в свою очередь, не рождается в вакууме.

Ш. Алекси – представитель литературы коренных американских индейцев. Его произведения стали «ярким образцом современной американской литературы <...> так как дают правдивое представление о жизни индейцев на территории резерваций, проблемах материальных и, главное, психологических, которые стоят перед коренным населением США» [1]. В своей прозе Ш. Алекси обращается к проблемам, «с которыми сталкиваются индейцы, живущие в резервациях: бедность, расизм, алкоголизм и т. д. Его произведения вызывают печаль и возмущение, оставляя читателя с чувством уважения и сострадания к персонажам, которые, казалось бы, находятся в безнадежных ситуациях» [2]. Стилю Алекси присуща легкость. При этом его романы и рассказы вызывают чувства грусти и сострадания: «Хотя произведения Алекси написаны с юмором и являются скорее жизнеутверждающими, чем апокалиптическими, в них постоянно присутствует мотив «края», «конца мира» [3, с. 40].

Творчество Ш. Алекси стало объектом интереса отечественных и зарубежных исследователей. Так, изучены стилистические средства прозы американского писателя (Е. Пенкина, 2018), выявлены контекстные связи Алекси с экопоззией (С. Гречишкина, 2017), представлены особенности поэтики прозы Алекси в контексте его происхождения (G. Bird, 1995; V. Deloria, 2001; J. DeNuccio, 2002), определены особенности образов индейцев в произведениях писателя (S. Evans, 2001; D. Fixico, 2001; D. Grassian, 2005; A. Krupat and M. Elliott, 2006), изучена специфика репрезентации геноцида в его произведениях (R. Thornton, 1987; D. Stannard, 1992; G. Lewy, 2004; N. Peterson, 2010).

К феномену травмы в своих трудах обращались русскоязычные и зарубежные литературоведы. Так, представлена эстетика травмы в художественном преломлении (Sh. Felman, D. Laub, 1992; Caruth, 1996, 2013; Б. Воскресенский, 2019), изучен феномен травмы в контексте динамики истории (О. Мороз, 2010; M. Hirsch, 2012; Н. Хренов, 2021), исследован мотив травмы как результат общественных потрясений (Е. Петровская, 2012), развития культурных кодов (R. Euerman, 2004) и непрерывного движения цивилизационных процессов (Карут, 2009).

Цель данной статьи – выявить особенности репрезентации образа детства как травмы взросления в американской действительности второй половины XX в., представленные в мемуарах Ш. Алекси «Не надо... Скажи, что любишь меня».

Задачи исследования:

- представить события из жизни Ш. Алекси, в частности детского периода, которые оказали определяющее влияние на него как человека и писателя;
- выявить их травмирующий эффект;
- показать основные реалии жизни представителей коренного населения Америки во второй половине XX в.;
- представить ключевые проблемы американского общества данного периода, в частности расовую дискриминацию, социальное неравенство, геноцид коренного населения, которые предопределили творческие установки и модель жизнеповедения Ш. Алекси.

Основная часть. Ш. Алекси родился в Америке, в семье из племени Спокане, долгое время жил в индейской резервации. Как все коренные американцы, писатель всю жизнь отвоевывал право иметь равные возможности с белым населением. Он приложил много сил для самообразования – удалось поступить в университет, стать успешным в профессии писательства и чувствовать себя сравнительно независимо. При этом Алекси неуютен и неудобен в современной Америке в силу ряда причин. Во-первых, образ американского индейца, представленный в его произведениях, нарушает шаблонный стереотип коренного жителя Америки, знакомого всем по фильмам и книгам – гордого, независимого, свободного человека: «Герои его произведений диаметрально противоположны стереотипным лихим индейским воинам» [1]. Во-вторых, образ Америки, представленный в рассказах и романах Ш. Алекси, кардинально противоречит образу, продвигаемому пропагандистами американских «идеалов».

Расплата со стороны «демократического» американского общества не заставила себя ждать. Свобода слова по-американски выразилась в том, что Алекси был обвинен в сексуальном насилии над десятком женщин, книги писателя были сняты с номинаций в литературных премиях, а его роман «The Absolutely True Diary of a Part Time Indian» / «Абсолютно правдивый дневник индейца на полставки» (2007 г.) был исключен из школьной программы, его запретили к прочтению и хранению в библиотеках школ США. В итоге, получив признание читателей и, одновременно с этим, став изгоем в литературно-критических кругах Америки, Ш. Алекси решил написать, на первый взгляд, предельно-личную историю жизни. Но на фоне каждодневного бытия автора-рассказчика и его откровенных душевных порывов вырисовывается неприкрытая травма, порожденная детством и взрослением в американской повседневности, лишенной лоска и прикрас, погрязшей в насилии гнетущих, бессилии и унижении угнетаемых, коими являются коренные американские индейцы.

Мемуары Ш. Алекси «Не надо... Скажи, что любишь меня» были опубликованы в 2017 г. О своем намерении придать огласке личную жизнь, начиная с детства, писатель отмечает: «Первый раз в печатном виде представляю самый честный отчет о событиях своей жизни» [4, с. 411]. Его «честный отчет» оказался дважды болезненным – лично для него и для целых поколений коренных американцев: книга показывает «традицию насилия в резервациях <...> повествует о роли коренных американских женщин» [5].

Реальная жизнь американцев в мемуарах Алекси поражает своей неприглядностью. Травмы в детстве писателя были многочисленны. Так, в 1983 г. в пьяной драке, когда не смогли поделить первенство выпить последний глоток крепленого вина, была убита кузина писателя Юджин [4, с. 154]. В 1980 г. от цирроза, вызванного алкоголизмом, умер дядя писателя. Позже – бабушка. Менее, чем через три месяца после этого, его старшая сводная сестра с мужем погибли при пожаре в своем трейлере: во время вечеринки они были сильно пьяны, когда закрылись в спальне и не смогли выбраться. Так, «за шесть месяцев моя мать потеряла свою мать, дочь и брата» [4, с. 201].

Сам Алекси с детства страдал биполярным расстройством, которое, по его мнению, унаследовал от матери [4, с. 14]. Это состояние мог спровоцировать алкоголизм родителей и условия их жизни, считает писатель: отец и мать были «беспросветными алкоголиками» [4, с. 16]. Он воссоздаёт в памяти один из вечеров, когда отец ушел, а мать осталась одна с четырьмя детьми и

«так как в те дни она выпивала, то, вероятно, пила прямо в комнате. А, может быть, выходила из запоя и ей хотелось пива. И она убаюкала нас своим прекрасным голосом, а потом пошла в бар, обещая себе выпить не более трех стаканов пива и вернуться к детям <...>. А потом она встретила отца, и они пили вместе. А когда закрыли бар, пошли к друзьям. А, возможно, пили в соседней комнате. А, возможно, оба куда-то забрели и совсем забыли про нас» [4, с. 107–108].

Одним из проявлений биполярного расстройства матери было то, что «моя мать могла начать убирать в четыре утра. Она знала, что все будут лежать и притворяться, что спят: «Сколько раз она будила нас таким образом? Тридцать или сорок раз за двадцать лет? Даже подсчитать сложно. Она всегда умела нас удивлять своими заскоками» [4, с. 183].

Родители были воплощением той жизни, которую вели индейцы в резервации: несколько раз их лишали родительских прав. Кроме писателя и его сестер-близнецов был еще старший брат, но он большую часть времени жил в семье родственников.

Некоторое время отец притворялся, что у него была работа. Каждое утро он брал бутерброды и уходил: «Я был безумно рад мысли о том, что у отца появился стабильный заработок. У нас будут наличные деньги в точные сроки. Победа!» [4, с. 152]. Но на самом деле он в очередной раз обманывал семью.

Когда отец писателя был трезвый, он «просиживал в спальне восемнадцать часов в сутки, смотря телевизор. Потом, мы уже приблизительно знали эти периоды, он уходил в запой на дни или недели. Он уходил из дома, оставив свою семью, своих малолетних детей – без средств к существованию и еды» [4, с. 152]. А потом мать просила Шермана идти искать отца: «Спустя неделю после его ухода нужно было идти и искать его. Это было семейное правило», так как у него был диабет [4, с. 166].

Праздники Алекси-ребенок ненавидел: новогодняя вечеринка традиционно заканчивалась пьянкой и дракой. Чтобы спасти детей, мать уезжала с ними из дома. Но ехать было куда: «Она хотела вырваться оттуда. Она хотела спасти своих детей. Но куда она могла податься? Разве было то место, где она и дети могли быть в безопасности? Было ли когда-либо вообще такое место в Соединенных Штатах, где бедная коренная женщина и ее дети были бы по-настоящему в безопасности?» [4, с. 24]. Увозя детей, она просто пыталась выиграть время, пока отец и гости проспят. Потом они возвращались домой. От усталости дети засыпали. Вскоре мать «разбудила нас, детей, и пообещала, что перестает пить в эту самую секунду и больше никогда не будет пить. Моя мать была лгуньей. Она нарушила много обещаний в последующие десятилетия. Но сохранила самую главную клятву: с тех пор она была трезвой всю свою жизнь. Поэтому я все еще жив» [4, с. 24].

Травматические воспоминания детства и тяжелые мысли о настоящем перемежаются не менее мучительными размышлениями о матери. В 2015 г. ей было семьдесят восемь лет. Она сильно болела. Кроме того, врачи диагностировали болезнь Паркинсона. Алекси принял решение позаботиться о ней, «хотя я делал это больше из чувства долга, чем любви к ней» [4, с. 25]. Диагноз привел Алекси и его сестер к мысли о пансионе: «Никто их нас не знал, насколько сложным может оказаться физическое состояние матери и насколько сложным может оказаться уход за ней <...>. Я боялся, что забота о матери может сильно подорвать здоровье моих сестер, которое и без того оставляло желать лучшего» [4, с. 28]. Но сестра отметила, что мать «не хочет быть там, где все белые», так как считает, что «старые белые будут расистами по отношению к ней» [4, с. 26]. Алекси согласился: «Спорю, что старые белые, наверное, еще большие расисты в Спокан» [4, с. 26]. Алекси серьезно обеспокоился тем, что мать подвергнут расистским притеснениям на смертном одре и подобрал дом престарелых специально для индейцев [4, с. 27].

Повествование мемуаров напоминает мантру, обладающую умиротворяющим терапевтическим эффектом: в книге много грамматических и лексических повторов, детальных описаний определенного события, которое Алекси неоднократно упоминает и по отношению к которому описывает свои тяжелые чувства, таким образом пытаясь от них освободиться; характерен синтез прозаических отрезков и поэтических вкраплений, которые оказывают на рассказчика транквилизирующее действие. Так, белым стихом описывает автор свои переживания, когда мать была при смерти: «Написала сестра:

“ее больше нет”

Меня поглотило горе.

Но скажу
Страшную правду:
Меня настигло облегчение.
Я осознал, что
Будто освобождаюсь от матери
От ее бесконечных
Обвинений,
Фальши,
Жестокости,
И лжи» [4, с. 111–112].

Автор-повествователь использует внутренний монолог при описании эпизода, когда умирал его отец: «Я видел его в его последнюю ночь дома, в резервации, но потом я улетел назад в Сиэтл, а не остался с ним в его последние минуты жизни. Он часто бросал меня в детстве. Он часто предпочитал уходить в запой на несколько дней или недель вместо того, чтобы быть дома с женой и детьми. Поэтому, скажу прямо, я решил покинуть его также, как он покидал меня. В то тяжелое время я предпочел быть рядом с женой и детьми – семьей, которую создал, вместо того, чтобы остаться с той, в которой родился. Значит ли мое решение, что я плохой сын? Думаю, да. Чувствую ли я вину за это? Да. Но я не сожалею о своем решении. Если бы была возможность вернуться в прошлое, я бы снова покинул своего отца, чтобы быть отцом своим сыновьям» [4, с. 28].

Короткие назывные, определённо-личные и безличные предложения описывают болезненное прощание с отцом. Алекси позвонил ему по телефону: «Отец. Все хорошо. Успокойся. Я люблю тебя. Успокойся. Бой окончен. Пришло время прощаться. Я люблю тебя. Я люблю тебя. Прощай» [4, с. 29]. Позже, «двенадцать часов спустя, когда я был в одном из игрушечных магазинов Сиэтла со моими сыновьями <...> позвонила моя сестра, чтобы сообщить, что отец умер. Я заплатил за новые игрушки для сыновей, приехал домой, помог сыновьям войти в дом. Потом, когда сыновьями занялась моя жена, я рухнул на пол в гостиной и рыдал» [4, с. 29].

Такое сочетание нарративных техник создает повествовательную полифонию, напоминающую исконные индейские одеяла, которые плела мать писателя. Эту особенность книги отметила его жена: «Твоя книга построена из квадратных кусочков материала, напоминающих одеяла твоей матери» [4, с. 197]. Алекси признался, что данная техника проявилась бессознательно – он тоже «увидел» этот особый узор книги после ее полного прочтения: «... я увидел узоры и повторы узоров. Я увидел швы и узлы. Я увидел, что мои руки работали так, как работали руки моей матери» [4, с. 197].

Сразу после смерти матери Алекси попытался вспомнить, когда состоялся их последний разговор: «Я не виделся с ней, не писал ей электронных писем, не посылал сообщений, не говорил с ней по телефону – не знаю – три или пять месяцев. После такого долгого молчания с моей стороны – не всегда намеренного, но и не случайного – позвонила она и, рыдая в трубку, оставила сообщение: “Сынок, <...> я знаю, что ты винишь меня во всем, но, пожалуйста, поговори со мной”» [4, с. 65–66]. Алекси перезвонил ей только через неделю. Это была месть. За давний случай, когда с зимы 1987 г. по лето 1990 г. они не общались: «Ни обменялись ни единым словом ни в письмах, ни по телефону, ни через знакомых, ни лично. Мы не общались даже, когда находились в одном доме. Не общались, находясь в одной комнате. Не общались, находясь в одной машине» [4, с. 88]. Между тем, в 1989 г. он сделал первый шаг к примирению: сел за руль, мать была рядом, и он сказал: «Мама, поговори со мной» [4, с. 89]. Ответа не последовало.

Американская действительность диктовала свои правила не только для живых – похороны матери пришлось перенести, так как в День независимости «похоронные затраты удвоились или утроились бы из-за праздника. Да, попрощаться с коренной американкой стоило бы нам намного дороже в День независимости», – иронично замечает писатель [4, с. 74].

Алекси никогда не знал, что из того, о чем высказывалась мать, было правдой: «Мама была большой выдумщицей. Может, на смертном одре был ее звездный час? Может, те, кто приходили ее навестить перед смертью, стали ее наиболее преданной публикой» [4, с. 106]. Так, ее ложь перешла границы, когда она рассказывала, что сын Алекси родился без мозга: «Она рас-

сказывала всем знакомым индейцам, что мой сын был рожден без мозга» [4, с. 106]. Пришлось объясниться. Он пояснил, что сын родился слабым, потому что легкие были не вполне здоровы. Но никакого отношения его состояние к отсутствию мозга не имело. Писатель решил, что они поняли друг друга. Однако после поползли слухи, что «мой сын родился без легких» [4, с. 106].

Боль прошлого будоражат не только травматические детские воспоминания, но и события недавней американской действительности. Нарративная модель произведения представлена гармоничным переплетением временных пластов – отзвуки прошлых событий врываются в настоящее рассказчика, причиняя боль. При этом многие события, имеющие начало в прошлом, обладают пролонгированным эффектом – их психологическое завершение, своего рода *запечатывание*, происходит в сознании героя в настоящем, в момент описания рассказчиком определенного прошлого события. Так, однажды Алекси увидел репортаж об издевательствах американцев над пленными иракцами в тюрьме Абу-Грейб. Его вырвало, но «не потому, что я представил их страдания и боль. Меня вырвало, потому что наконец моя боль была вербализована; получили название те издевательства, которым подвергался я и мои одноклассники в школе индейской резервации в Спокан», когда учительница «заставляла нас стоять с распротёртыми руками по подобию орла перед классом. В каждой руке нужно было удерживать книгу. Я уже не помню, сколько времени она заставляла нас так держать книги. Должно быть, секунды ощущались как минуты, минуты – как часы. Даже сейчас, сорок лет спустя, я чувствую боль в руках – память боли – и страх <...>. Это была пытка. Это было преступление. Но даже не это было самым страшным, что она делала с нами: она приказывала нам, сидя за партами сцепить руки за спиной, вытянуть их под острым углом и в таком положении наклоняться и тянуться вперед, касаясь парты только кончиком носа. Она ходила между рядами и неистово кричала на тех, кто не мог удерживать руки достаточно высоко, и на тех, кто пытался положить голову на парту. Мы плакали от боли. Слезы и сопли текли на парты <...>. Некоторые из нас мочились в штаны от боли и страха» [4, с. 129]. Алекси осознал, что «с нами, детьми индейцев, которым было семь, обращались, как с военнопленными. Мы были виновны в том, что были индейцами» [4, с. 130]. Его мать пошла в школу, но ничего не смогла сделать, потому что «моя мать была беззащитной против белых учителей. Она была беззащитной против белых школ. Она была беззащитной против белого правительства. Она была беззащитной против всего белого во всех его формах» [4, с. 130–131]. И эта учительница «в следующем году издевалась над моими младшими сестрами и другими детьми. Сестра помнит, как та схватила ее на детской площадке за волосы и бросила на землю» [4, с. 130–131].

В школе процветал расизм. У американских индейцев не было ни внешней, ни внутренней защиты: «Если бы у меня были родители, которым я мог доверять, я бы бежал домой и делился моими проблемами с ними. Я бы узнал, как они справлялись с проявлениями открытого и скрытого расизма. Они бы научили меня справляться с этим эмоционально и психологически. Но у меня не было таких родителей. Я им не верил тогда, не верю и сейчас, не верю, что мой отец и мать могли бы дать мне дельный совет. Мне, индейцу, пришлось выживать в анти-индейском мире без всякой подготовки» [4, с. 210].

Нелегко пришлось писателю и на литературном пути. Алекси столкнулся с проявлением расизма среди американцев по отношению к индейцам-писателям, когда его пытались «унизить, дискредитировать, уничтожить как писателя и как коренного жителя» [4, с. 220]. Для Алекси, как для большинства коренных авторов, литература – это способ сопротивления тяжелому прошлому и не менее сложной и неоднозначной действительности американской жизни: «Многие из нас – изгнанники. Мы находимся в ситуации, когда сказанное слово звучит как сказанное не просто от себя лично, и даже не от имени поколения, что свойственно большинству белых авторов, а от имени всего народа» [6, с. 66].

Для Алекси мемуары «Не надо... Скажи, что любишь меня» стали своего рода авторефлексией писателя относительно значительного отрезка прожитой нелегкой жизни. Тяжелое детство, алкоголизм родителей, голод, издевательства учителей, полное бесправие, страх насилия, неуверенность в завтрашнем дне – категории не только его личной, но жизни многих коренных жителей Америки.

Заключение. Таким образом, мемуары Ш. Алекси «Не надо... Скажи, что любишь меня» – это травма писателя, который, несмотря на тяжелое детство, стал известным прозаиком не только в Америке. При этом его становление протекало в условиях американской реальности, которая, как показывает автор, травматична по своей сути – это травма несоответствия желаемого и действительности, травма понимания утопичности самого концепта американской мечты. Свобода, равенство, демократия – это утопия. Истинная Америка – пространство выживания, где способен выстоять сильнейший. Алекси им стал. Но пришлось пройти сложный путь, так как трудности в США, в частности для представителей коренного населения, начинаются уже в детстве, в кругу семьи и ближайшего окружения.

В своих мемуарах Ш. Алекси показал глубоко личную драму, представил травматическую исповедь о прошлом одного человека. При этом на фоне индивидуальной травмы писателя выкристаллизовалась травма целой нации – коренных американских индейцев, которые и сегодня вынуждены бороться за свои права в своей собственной стране. Они подвергаются остракизму, расизму и притеснению в стране, породившей идею свободы и равенства, которая в своём истинном проявлении является глубокой неизбывной незаживающей травмой. В книге звучит надрывный голос всех коренных индейцев, подвергающихся страданиям из поколения в поколение. Это травма народа, который никогда не видел свободы, независимости и равенства, находясь под гнетом в стране, на весь мир скандирующей о продвижении незыблемых свобод, которых Америка лишает не только ей неугодные страны, но целенаправленно свой народ.

Литература

1. Berry, L. You don't have to say you love me by Sherman Alexie review – a poet and novelist's memoir [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.theguardian.com/books/2017/dec/09/you-dont-have-to-say-you-love-me-sherman-alexie-review>. – Access date : 05.05.2023.
2. Творчество Ш. Алекси [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://indigenous.jimdofree.com/2016/11/19/шерман-алекси/>. – Дата доступа : 05.05.2023.
3. Гречишкина, С. Развитие поэзии о природе в США : становление экопоэзии / С. Гречишкина // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 419. – С. 32–44.
4. Alexie, Sh. You don't have to say you love me. A Memoir / Sh. Alexie. – NY. : Little, Brown and Company, 2017. – 439 p.
5. Lopez, B. Books Can Save a Life [Electronic resource]. – Access mode : <https://bookscansavealife.com/tag/you-dont-have-to-say-you-love-me/>. – Access date : 05.05.2023.
6. Тиль, Д. Беседа с Шерманом Алекси о культуре коренных американцев / Д. Тиль. – Новосибирск : Р-Авеню, 2009. – 87 с.